

Рецензия на диссертацию Е. В. Пономаренко «Правовое освоение в системе категорий теории права»¹

Избранная для исследования тема «Правовое освоение в системе категорий теории права» является актуальной потому, что, во-первых, работа с категориальным аппаратом любой науки, в том числе теории права и государства, является всегда необходимой и важной. Во-вторых, происходящие в нашей правовой жизни глубокие изменения и трансформации требуют соответствующих реакций и в научно-правовых формах осмысления этих изменений. По этой причине введение в категориальный аппарат юриспруденции новых понятий может принести новые знания, новые открытия и даже откровения. И, в-третьих, автор связывает проблему правового освоения с гуманитарными, человеческими ценностями и правами человека, осмысление и внедрение которых в нашу повседневность также является насущной, даже острой, проблемой нашей правовой российской действительности и делает данную работу особенно актуальной.

Заметим, что исследование категориального аппарата любой науки – занятие исключительно сложное, и научная общественность реагирует на предлагаемые в этом отношении новации чаще всего с недоверием и опаской. Требуется обычно немало времени, чтобы к новациям привыкнуть, осмыслить их и либо включить их в корпус научного знания как само собой разумеющееся знание, либо забыть о них навсегда и переключиться на какие-то иные проблемы. В любом случае внимательное прочтение работы Е. В. Пономаренко представляет для читателя немалую «интеллектуальную пользу», как любит время от времени произносить это словосочетание сам автор рецензируемой диссертации. Основные идеи последней очень умело и емко представлены диссертантом в автореферате, доступном для любого, желающего ознакомиться с основным содержанием данной работы². Предметом диссертационного исследования являются «философские, социально ориентированные, юридические направления правовознания человека и общества для формирования правосознания и создания интеллектуальных представлений о такой правовой системе, где бы в центре внимания был человек, его права и свободы; начало решения проблемы об отчуждении человека от форм жизнедеятельности в праве; формирование правовознания конкретного индивида – homo iuridicus; взаимосвязь, взаимодействие правового освоения с категориями теории права» (л.д. 11).

Е. В. Пономаренко поставила перед собой очень сложную, высокую и ответственную цель – провести теоретико-правовой анализ проблем правового освоения и на основе представленных в работе путей и способов правового познания, обоснования и рассмотрения правового освоения как одного из самостоятельных направлений развития правового знания в теории права ввести в последнюю новую категорию, «оттенив» уже существующие, близкие по содержанию понятия,

---

* **Алексей Павлович Семитко**, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник РАН, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, приглашенный профессор университета Париж-Запад (Франция); декан юридического факультета, завкафедрой публичного права АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

¹ Пономаренко Е. В. Правовое освоение в системе категорий теории права : дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2017. – 377 с.

² См.: http://www.usla.ru/ch.php?mid=708&cid=18&obid=4423&dissert_id=389&file=autoabstract. Защита состоялась 16 февраля 2018 года.

наметив новые направления научного исследования и вдохнув новую жизнь в весьма и весьма консервативный категориальный аппарат теории права и государства.

Диссертация Е. В. Пономаренко состоит из четырех глав, в каждой из которых она прodelывает последовательно, шаг за шагом, мощное и поступательное-наступательное движение к решению поставленных ею в своем исследовании задач. Первая глава диссертации посвящена «теоретическим основам правового освоения», которые автор раскрывает последовательно через понятие правового освоения в объективном и субъективном смыслах, что вполне традиционно для нашей науки и должно быть в целом одобрено как верное и плодотворное направление исследования. Автор анализирует цели, задачи, принципы, функции, условия востребованности категории «правовое освоение» и одноименную концепцию, которую она вводит в теорию права. Структурно и логически такой подход представляется вполне приемлемым. Вторая и третья главы посвящены рассмотрению оснований возникновения правового освоения, процессу его дальнейшего саморазвития, его единству и общей характеристике многообразия форм процесса правового освоения. Некоторые из представленных в результате такого исследования достижений не вызывают возражений (например, тезис о многообразии форм процесса правового освоения), некоторые кажутся неожиданными, а некоторые вызывают ряд вопросов и возражений, которые будут сформулированы ниже. Наконец, последний раздел работы посвящен скрупулезному анализу места категории правового освоения в системе категорий теории права. Со многими положениями диссертации в целом можно вполне согласиться, в том числе: с анализом типов правопонимания самих по себе, с необходимостью гуманизации нашей правовой жизни и правовой системы, важностью и насущностью преодоления отчуждения человека от права, пониманием права как одухотворенной формы освоения мира, требованием формирования новой правовой культуры, с необходимостью персонифицировать человека в праве и т. д. Некоторые положения, тезисы и гипотезы диссертанта воспринимаются как яркие и весьма своевременные: утверждение человека как ценности для правовой системы, суровая и одновременно уместная критика современных правовых реалий России (о необходимости преобразования возможности в действительность и т. д.), требование исследовать правовые явления с самых различных точек зрения, позиций, подходов и т. д., а некоторые оказываются как бы в тени, ибо недостаточно проработаны, а потому вызывают определенное разочарование у читателя и почти всегда – желание дискутировать.

Если сформулировать последнее утверждение устоявшимся научным языком, то можно сказать, что, как и всякое творческое научное исследование, диссертация Е. В. Пономаренко содержит, по нашему мнению, ряд дискуссионных положений, а также тезисов, вызывающих вопросы и требующих дополнительной аргументации. К ним мы сейчас и переходим.

1. О системе категорий теории права. Автор изучает взаимодействие категории «правовое освоение» с категориями «правопознание» и «правосознание» (гл. 4, § 1, л.д. 231–245) и включает результаты этого рассмотрения в 6 и 7 пункты положений, выносимых на защиту (л.д. 23–25, с. 13–14 автореферата). Рассматривается в работе также взаимодействие правового освоения с категориями «правопонимание», «сущность права», «доктрина», «правопознавательный интерес» и с некоторыми другими в рамках названных либо тем или иным образом с ними связанных. Поскольку тема диссертации называется «Правовое освоение в системе категорий теории права», постольку в работе необходимо представить именно систему таковых, а затем (параллельно, например, или как-то иначе, хотя после-

довательность не имеет особого значения) показать и обосновать место «правового освоения» в этой системе.

Для утверждения научного статуса вводимой автором в теорию права новой категории следовало бы рассмотреть ее соотношение (взаимосвязь, взаимодействие и т. д.), прежде всего, с ключевыми категориями теории права – такими как, например, правовое регулирование, правовое воздействие, правовая активность, правотворчество, правообразование, правоприменение, реализация права, толкование права, функции и социальная ценность права, правовое поведение, правонарушение, юридическая ответственность и т. д. Набор категорий, образующих «систему категорий теории права», у каждого автора может в определенной мере отличаться (за исключением разве что общих для разных «наборов» центральных, системообразующих категорий теории права), но в любом случае требуется обоснование того, из каких элементов, по мнению автора, складывается указанная система. Вряд ли соискатель хотел сказать, что система категорий теории права исчерпывается только рассмотренными в диссертации категориями «правопознание» и «правосознание», «правопонимание», «сущность права», «доктрина», «правопознавательный интерес», «правовой интеллект», «интеллектуально-правовая воля» и некоторыми другими – либо в рамках названных, либо с ними связанных, место среди которых и должно быть определено для вводимой диссертантом в научный оборот новой категории «правовое освоение». Поскольку рассматриваемые в работе категории не образуют, по нашему мнению, систему категорий теории права и поскольку сам автор не пытается это обосновать, то попытка показать категорию «правовое освоение» в системе категорий теории права является по этой причине незавершенной.

2. О разграничении близких правовых категорий. В первой главе диссертации обосновывается правовое освоение в объективном и субъективном смыслах (первое и второе положения, выносимые на защиту). Правовое освоение в объективном смысле определяется как «совместная рациональная, активная деятельность людей по использованию правовых средств в преобразовании общества, государства и права» (л.д. 65), что представляет собой лишь немного видоизмененное определение правового регулирования, которое имеет широкое распространение в нашей юридической литературе. Сравним дефиницию автора с классическим определением правового регулирования, которое рассматривается как **осуществляемое при помощи системы правовых средств результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения в целях их упорядочения, охраны и развития**³. В этих двух представленных выше дефинициях все существенные признаки взаимно перекрывают друг друга, даже если в ряде случаев они не указаны прямо: вместо «системы правовых средств» в классическом определении автор предлагает нам признак «использование правовых средств». Осуществлять результативное, нормативно-организационное, т. е. целенаправленное «воздействие на общественные отношения» можно лишь в процессе «совместной рациональной, активной деятельности людей», и этот последний признак, который предъявляет нам Е. В. Пономаренко, в классическом определении опускается как очевидный, а потому излишний (но он имеется там в скрытом виде тоже потому, что иное – просто невозможно). Наконец, цели упорядочения, охраны и развития общественных отношений автор меняет на весьма близкое по объему, но более торжественное «преобразование общества, государства и права». Особенно близки по значению термин «развитие» в классическом определении правового регулирования и термин «преобразование» в дефиниции правового освоения Е. В. Пономаренко. В итоге получается,

³ Алексеев С. С. Общая теория права : Курс в двух томах. – Т. 1. – М., 1981. – С. 289.

что если дефиниенсы (определяющие выражения, раскрывающие смысл определяемого имени либо устанавливающего значение термина – дефиниендума) совпадают, то, следовательно, совпадают и определяемые имена (дефиниендумы), т. е. «правовое регулирование» и «правовое освоение в объективном смысле» представляют собой практически одно и то же, так как они имеют одинаковые существенные признаки.

Мы ни в коем случае не отрицаем наличия каких-то нюансов, мелких деталей и прочих тонких отличий, которые здесь могут быть выявлены при более глубоком анализе названных выше категорий и потому должны были очень внимательно исследоваться диссертантом. Такую работу автору и необходимо было провести, однако, как уже говорилось выше, диссертант не стал рассматривать правовое освоение в рамках всей системы категорий теории права (в данном случае обосновывая отличие вводимой им категории от правового регулирования, если оно – это отличие – имеется, конечно), ограничившись только несколько родственными и близкими, а иногда почти синонимичными (как правовое познание) к правовому освоению понятиями.

Точно такое же пожелание мы можем высказать автору и по поводу категории «правовое освоение в субъективном смысле», которое, с точки зрения соискателя, «выражает активность человека как интеллектуально-волевого деятеля, способного к познанию права и правовых явлений и стремящегося к духовно-нравственным благам и общечеловеческим ценностям» (л.д. 75), а с нашей точки зрения, содержит отдельные признаки, которые можно найти в определениях правового познания и правовой активности. Вот с этими категориями и надо было «разводить» авторское понятие, чтобы показать его самостоятельный категориальный статус и место в упомянутой выше системе категорий теории права.

3. Логический и грамматический статус категории «правовое освоение». Язык есть средство для выражения мыслей, а мышление погружено в человеческую деятельность. Свобода изменять наш язык и наши мысли ограничена рамками нашей реальной жизнедеятельности. Мы пользуемся словами, а наука превращает некоторые из них в термины и категории. Так, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова⁴ приводится глагол «освоить» с добавлением «что», показывающим, что этот глагол обозначает действие, переходящее на предмет, т. е. переходный глагол, и, следовательно, употребление его невозможно (не будет иметь смысла) без указания на то, *что осваивается*. Предлагаются некоторые примеры: освоить новые земли, освоить новое производство. Затем приводится имя существительное – «освоение» – и дается пример: освоение новой техники. Можно добавить и другие варианты употребления этого слова: освоение права, освоение иностранного языка, новых знаний, целины и т. д., и т. п. Но во всех случаях требуется указание на предмет освоения. Нам нужен субъект и предикат, чтобы получить хоть какой-то смысл. Если в приведенных выше примерах поменять местами слова и превратить подлежащее в определение (а иначе невозможно), то мы получим проблемы со смыслом высказывания, а именно: производственное освоение... (чего?), земельное освоение... (чего?), целинное освоение... (чего?), правовое освоение... (чего?) и т. д. В ряде случаев замена, по-видимому, невозможна (не ясно, что такое целинное или земельное освоение даже с добавлением «чего-то»), а там, где она возможна, всегда требуется указание на предмет освоения, иначе смысл высказывания будет отсутствовать. По этой причине употребление слова «освоение» как отдельно, так и с определением «правовое» (производственное, техническое и т. п.) требует обязательного указания на предмет такового: освоение права, освоение правовой действительности, освоение правовой культуры,

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 2007. – С. 322.

освоение правовых знаний, умений, навыков, компетенций, собственности и т. д., иначе смысл высказывания остается незавершенным (например, глава 1: «Теоретические основы правового освоения» требует дополнения: чего? Как и в иных случаях употребления анализируемого понятия «правовое освоение...»).

В этом отношении гораздо более логичным был анализ категории «правовое освоение действительности», которое Елена Витальевна Пономаренко проводила в своих ранних трудах, включая кандидатскую диссертацию на тему «Правовое освоение действительности: Понятие. Форма»⁵. Здесь же термин, которому автор хотел бы придать статус научной категории, оказывается логически незавершенным, так как предлагаемое в работе как термин словосочетание всегда требует уточнения: правовое освоение *чего именно?* В докторской диссертации говорится о правовом освоении права, правовом освоении правовых знаний, правовом освоении правовой культуры, отдельных фрагментов правовой действительности и т. д. Понятно, что термины эти не только неблагозвучны, но и тавтологичны (как, например, и подобные ему «экономическое освоение экономики», «политическое освоение политики» и т. д.). В таком случае для устранения тавтологии и придания смысла категориальному ряду разрабатываемой автором теории следовало бы каждый раз говорить об освоении чего именно идет речь: об освоении права, правовой культуры, правовых знаний, правовой действительности, разных фрагментов последней и т. д.

4. Об основаниях правового освоения. Во второй главе диссертации – «Правовое освоение: основания возникновения и процесс саморазвития» – Е. В. Пономаренко анализирует основания возникновения правового освоения, выделяя в качестве таковых правопознание и правопонимание (§ 1), юридический позитивизм и социологию права (§ 2), а также естественное право (§ 3 «Естественное право как основание возникновения правового освоения»). В тексте работы упоминается также легистское и либертарное правопонимание (л.д. 135). Последний параграф посвящен «динамике саморазвития правового освоения в теории права».

В данной главе работы, судя по оглавлению, ставится, прежде всего, очень важная и серьезная задача – показать основания возникновения правового освоения. Однако первый параграф, по словам самого же автора, посвящен исследованию «правопонимания как общей проблеме формирования и развития теории права» (с. 24 автореферата, л.д. 123–142), в том числе «историческому аспекту понимания» (л.д. 126–127), «истории понимания как метода познания», которая складывалась из двух традиций – аналитической и герменевтической (л.д. 128), а также тому, что «смысл и осмысление приобретают статус правовой категории» (л.д. 130). И вывод первого параграфа (его последний абзац) касается не заявленной в названии проблемы («Пропознание и правопонимание как основания возникновения правового освоения»), а посвящен всецело определению правопонимания самому по себе без рассмотрения и уточнения того, каким образом оно выполняет функцию основания правового освоения: «Таким образом, правопонимание в контексте работы следует рассматривать как мыслительные, умственные операции по обработке правовой информации для формирования правового интеллекта, интеллектуально-правовой воли и правопознавательного интереса» (л.д. 141–142).

Далее автор изучает различные типы правопонимания как основания возникновения правового освоения, смещая, как и в предыдущем случае, акцент на характеристику типов правопонимания самих по себе, а не на анализ их как оснований изучаемой категории. Так, автор уделяет немало внимания рассмотрению традиционного определения права в рамках позитивистского подхода, который

⁵ Пономаренко Е. В. Правовое освоение действительности: Понятие. Форма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 1994.

сложился в советской юридической науке (л.д. 145–146). Затем раскрывает признаки права – его классово-волевой характер (л.д. 146–147), нормативность (л.д. 147–148), а также цитирует дважды (л.д. 146 и 149) известное высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «...ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется условиями жизни вашего класса». В итоге этого исследования автор верно отмечает, что «для юридического позитивизма главным является то, что право рассматривается как продукт государственной власти. Познание и понимание права как продукта государственной власти приводит к отчуждению человека от форм жизнедеятельности в праве, правовой системе, власти, собственности» (л.д. 150). И, наконец, в выводе появляется категория «правовое освоение» с указанием на то, что она связана с выводом об отчуждении человека от права: «Юридический позитивизм как основание возникновения правового освоения связан с выводом об отчуждении человека от права и правовой системы и ставит перед правовым освоением задачу – решить проблему отчуждения, усовершенствовать и преобразовать человека в правовой системе» (л.д. 152). Указание на «связь» не очень проясняет гипотезу автора, заявленную в названии главы и названии соответствующего параграфа, так как, во-первых, все в мире связано друг с другом в той или иной мере, а во-вторых, наличие связи не исчерпывает проблемы основания, ибо первая (связь) есть лишь очень отдаленная характеристика второго (основания) и требует дальнейших исследований.

По причине столь подробного изучения юридического позитивизма, а затем анализа в таком же точно ключе и других типов правопонимания оказался не до конца проясненным вопрос о самих основаниях правового освоения, а также о том, что если разные типы правопонимания, т. е. принципиально разные правовые картины мира, являются основанием возникновения правового освоения, то, видимо, и результаты последнего должны быть в разных случаях разными. Однако о тех или иных результатах правового освоения, имеющего разные основания, автор ничего не говорит.

Кроме того, если все эти принципиально разные правовые картины мира выступают основанием правового освоения одновременно, то как логически это возможно? Видимо, здесь могло бы выручить интегративное правопонимание, однако автор не упоминает о нем в тексте работы.

Е. В. Пономаренко совершенно верно указывает, что для более основательного изучения «феномена правового освоения в правопознании и правопонимании необходимо исследовать правовые явления, понятия, процессы с самых различных взглядов, позиций, подходов. Чем разнообразней будут направления исследований, чем обширнее их методология, тем больше вероятность при анализе и синтезе результатов получить и освоить действительно новое и интересное правовое знание» (л.д. 122–123). Однако разные подходы к изучаемому феномену, разные сочетания методов, «обширность методологии», с одной стороны, и анализ оснований изучаемого в диссертации феномена «правовое освоение» – с другой, это не одно и то же. Основание отдельной научной теории – гораздо более объемное и многослойное, многоуровневое понятие, чем совокупность подходов, методов и направлений исследования. В любом случае следовало бы показать, как разные подходы, взгляды, позиции и методы оттеняют разные аспекты категории «правовое освоение». Автор же сместил основной акцент на изучение самих по себе типов правопонимания. При этом в ряде случаев в качестве основания правового освоения предлагаются «мыслительные, умственные операции по обработке правовой информации для формирования правового интеллекта, интеллектуально-правовой воли и правопознавательного интереса» (л.д. 173–174), т. е. мы видим гносеологический ракурс зрения, а в ряде случаев предлагаются онтологиче-

ские основания, т. е. отдельные фрагменты правовой реальности, например естественное право, которое рассматривается в работе не только как подход к правопониманию, т. е. соответствующий взгляд, угол зрения, но и как совокупность неотчуждаемых естественных прав человека, а также их источников: «естественное право как основание возникновения правового освоения связано с идеей естественного права, основными неотчуждаемыми правами и свободами и источниками естественного права» (л.д. 163).

Все-таки если у правового освоения – разные основания, то и результат должен быть, по-видимому, разным: позитивисты осваивают одну часть правовой реальности и по-своему, а представители социологической юриспруденции и юснатурализма – другие ее компоненты и тоже по-своему, т. е. совсем иначе, чем юридические позитивисты, и по-разному в сравнении их друг с другом. Если в качестве основания брать само естественное право как совокупность общих абстрактных принципов свободы, равенства, справедливости, уважения человеческого достоинства и других «основных неотчуждаемых прав и свобод» человека, а также их источников, то тогда и результаты освоения будут, несомненно, разные. Очевидно, что и субъекты этого последнего (процесса правового освоения) будут тоже не одинаковыми, так как научным подходом владеют только носители доктрины, а элементы стихийного естественного права присутствуют в разной мере в различных социальных пространственных и временных границах. В первом случае круг субъектов – очень узок (и бывают они порой очень «далеки от народа»), а все остальные (включая ряд законодателей и некоторых практиков, о которых поговорим далее) не участвуют в процессе правового освоения (поскольку и если они не имеют такого основания), а во втором – это только те социальные слои (и в то историческое время), среди которых (и когда) распространены естественно-правовые требования и представления (о субъектах правового освоения выскажусь далее). Когда же эти представления не распространены в социуме и в правовой культуре, то говорить о правовом освоении, по-видимому, не приходится, так как у него нет необходимого основания. В любом случае результаты правового освоения не могут быть одинаковыми. Это и надо было бы автору обсудить, обдумать и обосновать либо обосновать противоположный вывод, если автор считает иначе, ибо в имеющемся варианте диссертационного текста вопрос об основаниях, которые оказываются столь разными, остается не до конца проясненным.

5. О логике выделения оснований правового освоения. Е. В. Пономаренко отмечает, что «процесс правового освоения – это динамичная, рациональная, интеллектуальная активность и самостоятельная форма жизнедеятельности конкретного индивида и общества по правопознанию...» (л.д. 21, 194), и, таким образом, процесс правового освоения в какой-то мере совпадает с правовым познанием, а точнее, является его формой – формой правопознания. Возникает вопрос: каким образом тогда форма может быть основанием возникновения самого процесса (формой которого она является), ведь автор рассматривает правопознание как «основание возникновения правового освоения» (§ 1 главы 2 называется «Правопознание и правопонимание как основания возникновения правового освоения»)?

6. О некоторых классификациях правового освоения. В третьей главе «Общая характеристика многообразия форм и единство процесса правового освоения» автор анализирует большой спектр проблем, и в частности указывает на таких субъектов правового освоения, как «ученый, законодатель, практик» (л.д. 313 и пункт 5 положений, выносимых на защиту). «Простой» человек, таким образом, оказывается «отлучен» от столь важного процесса правового освоения, о котором пишет Е. В. Пономаренко. Однако это противоречит практически всем остальным положениям работы соискателя, так как повсюду речь идет о человеке

вообще, о конкретном индивиде, а не только об «ученом, законодателе, практике». Например, во введении отмечается, что «категория “правовое освоение” позволяет индивидуализировать, персонифицировать человека в теории права, в системе ее категорий, исследовать человека как ценность во всем многообразии человеческой деятельности» (л.д. 6–7). В первой главе отмечается, что «под человеком следует понимать конкретного индивида, так как он по своим объективным качествам способен преодолеть обезличенное и отчужденное существование. Под конкретным индивидом в контексте исследования следует понимать реального действительного индивида – деятеля интеллектуально-волевого характера, лицо, реализующее правовые качества в окружающем пространстве, признающее собственную человеческую оригинальность, способное к осознанию правового бытия (правовой интеллект) и устремленное к свободе интеллектуально-правовой воли как нравственной добродетели» (л.д. 52). Наконец, и в Заключении автор пишет про индивида вообще (л.д. 308). Либо во всех перечисленных случаях человек, индивид – это только «ученый, законодатель, практик», а всем остальным напрочь отказано в «правовом освоении», либо предложенная в работе классификация субъектов правового освоения не является полной.

По геополитическим основаниям автор выделяет «российскую, европейскую, американскую формы правового освоения» (л.д. 313 и пункт 5 положений, выносимых на защиту). Не совсем понятно, почему отсутствуют такие формы правового освоения, как китайская, с японской ветвью (дальневосточная в этом узком смысле), африканская, мусульманская и другие правовые и геополитические регионы, в которых функционируют оригинальные семьи правовых систем. В то же самое время американская форма, если буквально следовать наименованию, включает в себя и североамериканскую (США и Канада), и южноамериканскую формы правового освоения (все остальные страны и регионы Америки). Неужели здесь нет никакого различия, или правовое освоение – столь абстрактная категория, что вполне включает в себя столь разные правовые ареалы? Если для данных регионов это именно так, тогда хотелось бы увидеть признаки, по которым автор выделяет предложенные им в работе три формы правового освоения.

7. Об изменении предмета исследования. В параграфах 4.2, 4.3 и 4.4 четвертой главы автор ставит задачу показать сущностно-правовой, доктринально-правовой и интеллектуально-волевой аспекты взаимосвязи и взаимодействия категории правового освоения с категориями теории права. Поставленная исследовательская задача в таком ракурсе, безусловно, сложна и интересна. Однако на деле во втором параграфе проводится анализ сущности права как таковой. При этом ни в первом аспекте сущности (л.д. 249), ни во втором (л.д. 252), ни в выводе о «сущности современного российского права» в целом (л.д. 252) категория «правовое освоение» даже не упоминается. Последнее представляется вполне логичным, так как если категория правовое освоение не входит ни в один из аспектов сущности права, то нет ей места и в сущности права вообще (правда, сначала автор говорил о сущности права вообще, а выводы привел почему-то лишь в отношении «сущности современного российского права»). Но тогда не совсем понятно, каково же соотношение исследуемых категорий, как они взаимосвязаны и как взаимодействуют друг с другом.

В следующем параграфе (4.3), посвященном доктринально-правовому аспекту взаимосвязи и взаимодействия категории правового освоения с категориями теории права, основной акцент переносится на изучение того, что такое правовая доктрина сама по себе и какова ее роль в юридической науке и практике, а именно: на изучение «правовой доктрины в теории права как одной из форм реализации правовой политики России» (л.д. 253) и как «особой формы теоретической концепции», которая «гарантирует трансформацию фундаментальных положений

теории в практическую плоскость» (л.д. 253–254), и т. д. Указанные проблемы, без всякого сомнения, представляют для нашей науки непреходящую ценность, однако остается неисследованным вопрос о доктринально-правовом аспекте соотношения категории «правовое освоение» с другими категориями теории права. Кроме того, в названии параграфа («Доктринально-правовой аспект взаимосвязи и взаимодействия категории правового освоения с категориями теории права») термин «категории» (теории права) приводится во множественном числе, а на деле данный фрагмент работы посвящен изучению одной лишь категории «правовая доктрина», а также ее роли в теории права и на практике (то же самое можно сказать и в отношении предыдущего параграфа: слово «категориями» в названии дается во множественном числе, а все внимание автора приковано к анализу одной лишь категории «сущность права», взятой самой по себе).

В данном параграфе (4.3) автор посвящает немало страниц также необходимости введения в теорию права и путем воплощения в правовую практику «новой правовой доктрины “современный правовой гуманизм”» (л.д. 257–263). Полностью разделяю пафос и научные подходы автора к данной доктрине, а также то, что внедрение указанной доктрины в нашу жизнь – насущная проблема российской правовой действительности, однако взаимодействие правовой доктрины в целом и новой гуманистической правовой доктрины в частности с правовым освоением оказалось вновь недостаточно проясненным. И даже вывод данного параграфа посвящен не правовому освоению, как заявлено в его названии, а новой правовой доктрине самой по себе (приведу последний абзац данного параграфа): «Таким образом, роль новой правовой доктрины должны (опечатка у автора: следует читать: должна. – А. С.) проявиться в том, что она создаст понятия и конструкции, которые будут использовать юристы-практики, законотворческие органы и т. д. Именно данная доктрина сможет выработать приемы и методы установления, толкования и реализации норм действующего законодательства на основе духовно-нравственных благ и общечеловеческих ценностей» (л.д. 262–263). Последнее утверждение само по себе не вызывает никаких возражений, и поэтому мы полностью согласны с автором исследования в отношении роли новой правовой доктрины в нашей правовой системе.

Необходимо особенно подчеркнуть, что в анализируемом параграфе (4.3) имеются очень серьезные попытки автора показать значение категории «правовое освоение» в процессе правового возрождения России. Так, Е. В. Пономаренко пишет, что «правовое освоение непосредственно связано и оказывает влияние на ценности цивилизации и культуры на современном этапе развития Российского государства и права, позволяет формировать в рамках правовой системы идеи правового гуманизма и правовой аксиологии» (л.д. 256). И далее (пр процитируем полностью состоящий из двух предложений абзац): «Воплощение правовой доктрины “современного правового гуманизма” в правовую систему существует пока в качестве правового возможного. Органично требуют от исследователей обоснования, введения в научный оборот такой категории, как “правовое освоение”» (л.д. 257–258). Первое утверждение является, с нашей точки зрения, совершенно верным, своевременным и весьма критичным по отношению к существующей в России правовой действительности: да, доктрина «современного правового гуманизма» существует у нас пока, к сожалению, лишь в качестве правового возможного, а вот второе утверждение (в плане оснований перехода от возможности к действительности) вызывает сомнение, а именно: вряд ли одно только обоснование и введение в научный оборот категории «правовое освоение», на чем упорно настаивает автор, позволит перевести доктрину «современного правового гуманизма» из возможности в действительность.

Следующий фрагмент (протицируем весь абзац полностью) также показывает неразрывную связь правовой доктрины и правового освоения: «Таким образом, правовая доктрина “современного правового гуманизма” должна прирастить и наполнить новым содержанием теорию права. Правовое освоение осуществляет преобразования правовой информации, правовых идей в правовое знание, отображает эти идеи в правосознании конкретных индивидов» (л.д. 261). В следующем же абзаце автор отмечает: «В этом смысле, правовое освоение будет способствовать правопознанию и формированию новой правовой доктрины в правосознании конкретного индивида... Правовое освоение сформирует правовую доктрину в правосознании конкретного индивида и сможет преобразовать правового возможного (опечатка у автора: следует, видимо, читать «правовое возможное». – А. С.) в правовое должное» (Там же). И наконец: «Правовое освоение в правосознании правопознающего человека должно сформировать новую правовую доктрину, определить модели правотворческой и правоприменительной деятельности» (л.д. 262). Не могу не выразить своего самого полного согласия с тем, что все это необходимо делать. Однако указание только на то, что правовое освоение «должно» сформировать новую правовую доктрину не является, с моей точки зрения, достаточным для того, чтобы воплотить возможность в действительность. Хотелось бы увидеть механизмы, процедуры, какие-то их закономерности, а также субъектов и многие другие операциональные и «технологические» элементы, которые позволили бы решить поставленные автором действительно очень серьезные и актуальные задачи российской правовой реальности.

Параграф четвертый главы 4 «Интеллектуально-волевой аспект взаимосвязи и взаимодействия категории правового освоения с категориями теории права» имеет аналогичные плюсы и минусы, поскольку в тексте рассматривается не заявленный в названии аспект взаимосвязи и взаимодействия правового освоения с категориями теории права и даже не какое-то иное их соотношение, а сами по себе правовой интеллект, его классификация («правовой интеллект человека ученого – юриста и человека юриста – профессионала, правовой интеллект человека – обывателя» (л.д. 265)), импульсы возникновения правового интеллекта, интеллектуально-правовая воля, правопознавательный интерес, его виды (частноправовой и публично-правовой), процесс его (интереса) формирования, правосознание человека, исключительно важные обязанности последнего в исследуемой сфере («человек обязан испытывать интеллектуальную необходимость в праве для себя и общества» (Там же)) и т. д., и т. п. или, как кратко определяет предмет своего исследования автор, «правосознание человека как правовой интеллект, сформированный при помощи правопознавательного интереса и воспроизводящий его интеллектуально-правовую волю» (л.д. 264). Соответственно и вывод параграфа посвящен правосознанию: «Таким образом, в интеллектуальном значении необходимо рассматривать правосознание человека как правовой интеллект, сформированный при помощи правопознавательного интереса и воспроизводящий его интеллектуально-правовую волю» (л.д. 269). Далее говорится о формировании правового интеллекта и правопознавательном интересе человека и нет никакого упоминания о категории «правовое освоение».

Высказанные пожелания, возражения, замечания носят исключительно дискуссионный характер и ни в коем случае не претендуют на истину в последней инстанции. Столь новое по своим целям, задачам и содержанию исследование не может не вызывать массы вопросов и закономерного желания получить на них убедительные ответы, а также услышать дополнительные разъяснения, новые аргументы и т. д. со стороны диссертанта – Е. В. Пономаренко, работа которой имеет, тем не менее, немало весьма положительных характеристик, и поэтому выска-

занные возражения не отрицают бесспорной научной ценности и новизны предлагаемого диссертационного исследования.

Следует отметить, что стиль изложения – очень строгий, классический. Иногда встречаются отдельные пафосные, эмоциональные фрагменты, которые вполне уместны, контекстуальны, и поскольку автор никогда ими не злоупотребляет, постольку они нисколько не нарушают академическую ткань повествования, присутствующую диссертационному тексту в целом. Более того, они, скорее всего, показывают необычайную увлеченность автора исследуемой проблематикой и желанием Елены Витальевны поскорее расставить все точки над «и» как в современной российской теории права, так и в мировой правовой современности в целом.

Основные результаты исследования и положения, выносимые на защиту, были опубликованы в почти 80 источниках, включая три монографии, 24 статьи в журналах, рекомендованных ВАК России для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени, а также ряд статей на иностранных языках. Судя по самой первой публикации на данную тему (1989 год), можно сказать, что автор посвятил исследованию около 30 лет. Список использованной автором литературы составил 405 источников, включая публикации на иностранных языках.

Наиболее яркой положительной характеристикой данной диссертации является ее абсолютная и бесспорная новизна: такие работы встречаются крайне редко в нашей, да и мировой, правовой науке, так как попытка столь мощного прорыва вперед – занятие весьма рискованное и исключительно опасное: слишком большой отрыв от традиции может привести к тому, что автор останется непонятым, отвергнутым и (или) раскритикованным по самым разным основаниям. Е. В. Пonomarenko смело смотрит указанной опасности прямо в лицо и неоднократно предупреждает читателя, что она использует «нетрадиционный научный аппарат» (л.д. 29, 306, 321). Автор убежден в своей правоте, увлечен исследованием, и его работа может быть названа уникальной по этим и ряду других оснований. Поэтому данная работа в большей степени, чем какие-то другие, требует времени на то, чтобы основательно над ней поразмышлять. Возможно, что через какой-то срок высказанные автором идеи и предложения покажутся юридической общественности само собой разумеющимися, а возможно, будут отвергнуты. Время покажет.

Alexey Pavlovich Semitko,

Doctor of Law, Senior Research Scholar of RAS, Professor,
the Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation,
Visiting Professor of Paris-Quest University (France);
Dean of Legal Department, Head of Public Law Chair,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

**Academic Review on E. V. Ponomarenko's Doctoral Thesis
for Doctor of Jurisprudence Degree
"Legal Development in Categories of the Theory of Law"**